

В полудреме Бай Сяньчэнь вдруг ощутил странное прикосновение к своим губам.

Его будто кто-то поцеловал.

Влажный поцелуй, принесший с собой знакомую пронзительную прохладу, сначала легко скользнул по губам, а затем стал настойчивым, забирая воздух с непреклонной силой. Дыхание Бай Сяньчэня сбилось, в груди стало тесно от нехватки кислорода, он замычал, пытаясь вырваться и вдохнуть полной грудью, но как раз в тот миг, когда он готов был в ужасе проснуться, его отпустили.

Давящее чувство исчезло, свежий воздух ворвался в легкие, прогоняя дискомфорт, и он, размякший от усталости, снова погрузился в сон.

Однако мгновение спустя этот поцелуй, внушающий необъяснимый страх и не дающий вырваться, вернулся снова.

«Что за сон такой...»

За всю свою жизнь Бай Сяньчэнь целовался лишь с одним человеком, но тот, похоже, вовсе не хотел, чтобы Бай Сяньчэнь его целовал.

Первый поцелуй Бай Сяньчэнь заполучил, пользуясь своим статусом ученика. Он давно изучил уязвимости «нечеловеческой» натуры Се Уцзю и знал, что тому приходится подражать людям во всём, поэтому с помощью лживых доводов вроде «учитель обязан...» он заманил Се Уцзю к себе в постель.

Поначалу они вели себя пристойно. Бай Сяньчэнь боялся перегнуть палку, чтобы Се Уцзю не перестал приходить, так что они просто лежали на одной тахте. Но со временем терпение Се Уцзю росло, расстояние между ними сокращалось, Бай Сяньчэнь становился смелее, а искушение – сильнее, и в конце концов он переступил черту.

В одну из тихих ночей, лежа на руке Се Уцзю, он дождался, пока дыхание того станет ровным, и, как ему казалось, осторожно придвинулся ближе. Долго вглядываясь в лицо учителя, он склонился и едва коснулся его губ.

Бай Сяньчэнь всегда жалел о той порывистости.

Ощущение от сухого поцелуя спящего человека было так себе. Несмотря на чувства к Се Уцзю, он лишь ощутил холод на его губах и убедился в реальности его плоти; этот поцелуй не принес ему радости. Он знал, что этот жест украден, и чувствовал лишь страх от содеянного и вину за обман.

Весь этот ворох сложных эмоций стер из памяти само ощущение поцелуя.

Именно после той ночи в их притворно-мирных отношениях появилась трещина. Се Уцзю наотрез отказался больше делить с ним ложе и начал намеренно избегать его. Прежде они виделись каждый день, а теперь и раз в месяц встретиться удавалось с трудом.

Как бы Бай Сяньчэнь ни бунтовал, Се Уцзю больше не уступал.

Их отношения становились всё более натянутыми.

Любую прежнюю близость можно было оправдать узами «учитель-ученик», но поцелуй сорвал

маску с Бай Сяньчэня.

Се Уцзю, каким бы медлительным он ни был в чувствах, должен был всё понять.

В ту ночь Се Уцзю вовсе не спал, но предпочел не открывать глаз и не устраивать сцену, решив вместо этого отдалиться и подавить нечестивые помыслы ученика делом.

Бай Сяньчэнь не удивился такому исходу. Его рассказы об обязанностях учителя были полны дыр, и стоило Се Уцзю спросить совета у любого старейшины, он бы легко выяснил: учителя и ученики не спят в обнимку, их наградой не бывают прикосновения и объятия, и учитель не контролирует каждый шаг своего подопечного...

Методы воспитания Бай Сяньчэня, честно говоря, больше подходили для взращивания какого-то извращенца.

Бай Сяньчэнь был готов к последствиям, он лишь сокрушался об одном: он и впрямь не помнил ощущений от того поцелуя. Знай он, что после этого Се Уцзю всё поймет и перестанет с ним общаться, он бы закатил такой французский поцелуй, чтобы было что вспоминать.

Последующие их поцелуи были еще нелепее.

Заперев его в демонических владениях, Бай Сяньчэнь наткнулся на намеренно ледяные губы и чувствовал себя так, будто сосет сосульку. Позже, когда Се Уцзю потерял контроль над температурой, Бай Сяньчэню приходилось сдерживаться, чтобы самому не задрожать от холода и не замерзнуть заживо раньше времени.

Сколько бы они ни целовались – ни разу не выходило ничего стоящего.

В памяти оставались лишь мысли типа «чёрт, как холодно!» или «опять он кривит лицо», сплошные жалобы, а сам трепет поцелуя стерся.

Поцелуй для него перестал быть чем-то конкретным, он стал абстракцией.

То прекрасное и романтическое, что показывают в фильмах, для него и Се Уцзю превратилось в способ взаимной пытки и мести.

Теперь Бай Сяньчэнь ненавидел Се Уцзю, а вместе с ним и сами поцелуи!

Этот внезапный сон вызвал у него одновременно гнев и печаль.

К тому же сон был пугающе реальным: он чуял знакомый запах льда и снега, ощущал настойчивые движения чужих губ и языка, всё более яростный напор и чувствовал, как его дыхание становится всё более прерывистым...

Это чувство... будто Се Уцзю прижал его к себе и почти грубо вырывал поцелуй, но при этом с ювелирной точностью удерживал грань, не давая ему окончательно проснуться.

«Проклятье! Эти ощущения! Неужели это и впрямь сон?»

Бай Сяньчэнь резко вздрогнул, остатки сна мгновенно улетучились. Распахнув глаза, он, не колеблясь, нанес удар ладонью вверх. Вспыхнуло яростное пламя, но оно лишь рассекло пустой воздух.

Бай Сяньчэнь настороженно приподнялся и при свете угасающих искр огляделся. Комната

была пуста, ни души.

Неужели и впрямь просто приснилось?

Но губы саднило, а холод в воздухе был до дрожи знакомым.

И всё же здесь никого не было... Может, разыгралось воображение?

Полный сомнений, Бай Сяньчэнь бессильно откинулся назад:

— Да быть того не может.

Ложась, он вдруг заметил у своей подушки вернувшуюся Ледяную Красавицу.

Сегодня она не выглядела бодрой, как обычно. Лепестки были повреждены, будто она росла всего пару дней: пышный бутон поник, а край одного лепестка почернел, словно его прижгли...

«Чёрт! Я же только что пыхнул огнем и опалил Красавицу!»

Бай Сяньчэню стало ужасно стыдно, он поспешно взял цветок в руки:

— Прости, прости! Мне кошмар приснился, я случайно. Ты как? Ох, лепестки-то! С чего ты вдруг сегодня вернулась? Что же делать? Ты живая вообще?

Ночь еще не закончилась, ноги Бай Сяньчэня по-прежнему не слушались, поэтому он пытался пальцами ощупать обгоревший край.

Он в тревоге пытался понять, жив ли цветок, и после нескольких прикосновений Красавица легонько шевельнула лепестками, рассыпав серебристое сияние, — знак, что еще дышит.

...Хотя сияние было уже не совсем серебристым: из-за того, что внешний край поджарился, вместе с ним посыпалась и черная труха.

Бай Сяньчэнь неловко почесал затылок.

Ну и конфуз! Он-то думал, что это Се Уцзю, и ударил в полную силу. Хорошо еще, что у Красавицы крепкая природа, иначе превратил бы ее в пепел.

Будучи ледяным растением, Красавица по ауре была слишком похожа на Се Уцзю. Пока она рядом, Бай Сяньчэню постоянно не по себе, и он то и дело видит сны об учителе, но вот ранил он ее впервые.

— Почему ты «ледяная» красавица? — пробормотал он. — Была бы ты «огненной», было бы проще.

Шутки шутками, но он всё же сделал цветку некое подобие «перевязки» — просто оборвал мертвые обгоревшие части.

Закончив и поглаживая лепестки, он огляделся:

— Всё хорошо. Завтра после первого испытания я проберусь на Пик Снежной Бумаги и украду для тебя немного снега, чтобы ты восстановилась. Завтра никуда не убегай, жди... Погоди-ка, а где твой брат?

Бай Сяньчэнь прошептал заклинание призыва компаса фэншуй.

Прошло время, но артефакт не вернулся в руки.

У Бай Сяньчэня потемнело в глазах. Он уже собрался прочесть второе заклинание, как вдруг в дверь постучали.

— Ван Кэ! Ты спишь? Это я, Линь Цзин. Подобрал твою вещь по дороге, решил занести, ну и проведать тебя.

Бай Сяньчэнь снова оказался в затруднении: встать и открыть дверь он не мог, а ответить «войдите» из-за немоты – тем более.

К счастью, Линь Цзин, помедлив у порога, сам толкнул дверь.

В то же мгновение Линь Цзин ворвался в комнату, выхватив меч. Он исполнил серию изящных приемов, но его клинок рассекал лишь воздух – никаких злых духов не обнаружилось. В комнате был только Бай Сяньчэнь, который в полном недоумении таращился на него.

М-да.

Бай Сяньчэнь не понял смысла этого ночного представления, но из вежливости решил поддержать друга и негромко похлопал в ладоши.

К его удивлению, в глазах Линь Цзина сверкнул холод, и тот, не думая униматься, внезапно направил острие меча прямо на него.

<http://bllate.org/book/19453/1908650>